

Вальсует прямо мне навстречу
Среди сугробов. Я так чётко

Обрушил сердце. Говорю ей:
— А не пойти ли нам в кафе ли?
И, кстати, как зовут вас, фея?
— Ну Лена. Ты о ком горюешь?

— Да о тебе. А ты не веришь?
— Поверила б, да ты же брешешь.
— В гостиницу ко мне поедешь?
— Ну я не знаю... Всё так
спешно...

Позёмка ползала на брюхе
По задубевшему асфальту
И в белом сумраке марухе
Кровавую кроила смальту.

Пока машина в ночь спешила,
Давя зародышей торнадо,
Она шептала мне: «Не надо» —
И в сумочке таила шило.

Встал из метели Новотроицк,
Гостиница, каких тут мало.
Мне ничего не оставалось,
Заночевали мы. Порою

Ты понимаешь, что неволен.
Она прильнула белой тенью,
И я подумал: не любовь ли?..
С утра она спросила деньги —

Да, не настойчиво, но всё же.
А за окном — металлургия!
С утра, конечно, мы другие,
И каждый будущим встревожен.

И я подумал: если так, то
Зачем красавы мне иные?
Коль совпадаем с нею тактом,
То вместе будем мы отныне!

Отдал ей всё, что было можно,
Она уехала трамваем...
Орчанку Леночку помянем.
Её убили годом позже.

И он давил за рюмкой шутку,
Слезами тихо умывался.
И ту девчонку-проститутку
Забывать не мог, как ни старался.

ТОГДА

А помните московское кафе
В виду Петра работы Церетели?
Вы мне тогда и в мыслях
не посмели
Сказать своё презрительное «фэ».

Я был тогда для вас и царь,
и Бог,
Вы для меня — царевна
и богиня.
Тогда ещё нас разум не покинул,
И вас прощать я бесконечно мог.

Неспешные беседы, как шаги
Навстречу удивлённому
искусству
Владеть друг другом, отдаваться
чувству,
И целовать, и требовать:
«Зажги!»

И выше счастья не было тогда —
Проснуться рядом с маленькой
тобою,
И сердце пело медною трубою,
И предвещало звёзды, города...

Рука в руке с тобою в самолёте,
Когда на взлёте голубь
поперёк...

Теперь вы ни слезинки
не прольёте
Над тем, что я тогда не уберёг.

БЫЛЮЮ

Словно чёрный камень Каабы,
Я распался от поцелуев,
Что мне «если бы», что мне
«кабы»,
Коли нет ни любви.
Былую!

Я милую любовь былую,
В уголки я играю с сердцем,
Я сегодня с бальём балую,
Засыпаю тропинки перцем,

Чтобы сердце моё, собака,
Не смогло даже следа взять бы
Той любви, где я был рубаха,
Облепляя твои объятия.

Я смотрю, как войска уходят
Из Loverазии побеждённой —
Не стреляют, стволы отводят.
Беспросветно в ночи бездонной.

Я лежу, как разбитый камень.
Целовать меня вряд ли станут.
Я былую. Хохочет память.
Канул век. И любви канул.

Алексю Хальзунову

По набережной мысленно
пройдёшься,
В упор увидишь Божью синеву,
Воображаемый поймашь
дождик...
Как будто я уже и не живу,

Как будто нет меня на этом
свете,
Как будто жизнь — мой канувший
апрель,
Мои как будто не родились
дети...
И где ты, дождик — летняя
капель?

Но как же так? Ведь был я
в этой жизни!
Ну, значит, не был. Господу
видней.
Взгляни в последний раз
в глаза Отчизне
И разомкни цепочку славных
дней.

ВСЁ, ЧТО ДЕЛАЕТ ПРИРОДА

Песенка в духе 1960-х

Майским днём иду один
переулком,
Где цветёт рябина царской
особой.
Всё, что делает природа, —
наука,
На такое человек не способен.

Тут подъехали с пилой два урода,
Обкорнали карагач у порога.
Всё, что делает природа, —
угодно,
Но бывает человек бесприроден.

Карагач ветвями мёртвыми, воя,
За рябину всё цеплялся напрасно.
Всё, что делает природа, —
прекрасно,
Ну а то, что человек, —
лишь порою.

Мы с тобою напилели такое!..
А теперь бездумно лучшее губим.
Подарила нам природа святое,
Ну а то, что было после, —
забудем.

Только я, что карагач за рябину,
Всё цепляюсь за былую богиню.
Мне к чему природа с памятью
длинной,
Коль не жить карагачу без
рябины?

Памяти Глеба Горбовского

В снах лечу невысоко я,
Приземлил стихи и думы,
Рядом больше не взмывают
Ненавязчивые дуры.

Мне бы просто удержаться
На поверхности Земли,
От вращения которой
Сносит в космос корабли.

Мне бы здесь побыть ещё бы,
Хоть немного покоптить
Голубое наше небо,
Проявить талант и прыть.

А потом долой — и в космос,
Всё поняв и осознав:
Распрекраснейшие косы
Не спасают от раскосой.

НЕМОЕ КИНО

Памяти Веры Холодной

Ты ушла со съёмочной площадки,
Или это выпал я из кадра?

Тут же вся картонная эскадра
Развалилась, ибо взятки гладки.

Побежали ровным строем титры
(Режиссёра все давно мы знаем).
Я ронял забытые поптитры,
Опалённый знойным полумаем,

Всё искал великую музы́ку,
Бился головою о бемоли —
Капли крови не было, ни лыку
Вклеиться не вышло в строку
боли.

Все актёры вроде бы знакомы,
Сам статистов подбирал я даже,
Но они восстали, как из комы,
Их ролей я не предвидел гаже:

Главные герои — вурдалаки,
А второстепенные — придурки,
И глотать не устают, собаки,
И пером под рёбра тычут, урки...

Так бывает, если крикнут
«снято!»,
Оборвав поток сюжетных линий,
Если нет, несчастный оператор,
Больше в фильме главной
героини.

ПУТЕШЕСТВЕННИК ВО ВРЕМЕНИ

Запись в дневнике

...Вот теперь — никогда,
ибо дальше — смерть.
Не боюсь, просто нечего больше
сметь.
Ездил в прошлое, в будущем
побывал,
Нечто среднее тоже, увы, знал.

Как-то раз вышел в жизнь,
напитался ручьём,
Ныне думаю: собственно,
я о чём?..
Ну пытался любить, любить
пытались меня,
А теперь стряслось угасанье дня.

На уровне сего безотчётного этапа
Реальны мне только мама и папа.
Вы все, остальные, лишь снитесь
мне,
Как грачи на сугробе в немытом
окне.

Грает грачик, тихо себе навоз
клюет,
Между делом песни грачи свои
поётует.
Чёрный птиц никогда вам
не скажет «да».
Я – скажу: дальше – смерть,
и поэтому
не останусь у вас никогда.

Знаете, моя в чём радость
ныне?
Воробьи слетаются к рябине,
Ягоды клюют, толпой
собравшись,
На меня глядят: а хлеба
дашь ли?

Я крошу им хлеб, и самый
смелый
Братьям чик-чирикнет:
«Это дело!»
Налетайте! Дядька не предатель,
Он такой же, как и мы, ребята».

И пока они мой хлеб терзают,
В сердце возникает
сволочь-зависть:
Кто честнее – я иль воробьи,
Крошки получившие свои?
Стоит мне вернуться в свой уют,
Думаю: «Чи крошки я клюю?»

*Поздравляем Вячеслава Теннадьевича
с большой юбилейной датой - 60-летием
со дня рождения! Желаем здоровья, вдох-
новенной работы на благо литературы
Оренбургжья, счастья и бодрости духа.*